

ОРУДИЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ КНИГА ПЕРВАЯ

ЗАВЕТ СТАЛИ

ДЭВИС

АШУРА

Дэвис Ашура

**Завет стали. Орудие
предзнаменования. Книга первая**

«Феникс»

Ашура Д.

Завет стали. Орудие предзнаменования. Книга первая /
Д. Ашура — «Феникс»,

Молодой человек без прошлого превращается в воина из легенды. Жизнь Синдера Шейда начинается в тот роковой день, когда он приходит в себя на дне колодца, избитый и лишенный памяти. Синдер жаждет защитить всех, кто в этом нуждается, и стать великолепным воином. Он обнаруживает в себе особый дар: способность предвидеть действия противника, когда картина боя становится очевидной, а язык стали — ясным. Получив место в престижной эльфийской академии воинов, Синдер стремится расширить свои знания и, возможно, даже посрамить высокомерных и эгоцентричных эльфов, считающихся непревзойденными воинами. Его боевые навыки, приобретенные за месяцы упорных тренировок, подвергаются суровому испытанию, когда из глубины Кинжальных гор доносится странный грохот: появляются обитающие там древнейшие и самые смертоносные из всех монстров — паукины. Но происходит и что-то гораздо худшее... Древний бог, который считался давно умершим, жив и хорошо помнит своих врагов. Даже если они сами себя не помнят...

Содержание

Благодарности	6
Предисловие автора	7
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Дэвис Ашура Завет стали. Орудие предзнаменования. Книга первая

Davis Ashura

A Testament of Steel

Book One, Instrument of Omens

Copyright © 2020 by Davis Ashura

All rights reserved.

Cover art and design by Andreas Zafiratos

Map by Rela “Kellerica” Similă at <https://www.kellericamaps.com>

© А. Миронова, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление ООО «Феникс»

* * *

*Моей жене, которая и сама знает, какая она замечательная и
чертовски умная.*

Благодарности

Я доволен этой книгой и надеюсь, что в конце вы испытаете то же чувство. Однако писательством, пусть это и увлечение одиночек, невозможно заниматься в одиночку, по крайней мере, для меня это так. Есть те, кто помог мне не сдаться. Во-первых, это моя жена, которой я посвятил эту книгу. Также это мои сыновья, которые позволили мне позаимствовать у них некоторые идеи. Они растут, и у них всегда возникают интересные инсайты, которые можно включить в повествование. И их намного больше, чем было у меня в их возрасте.

Это и мои друзья из группы писателей, особенно Том Буркхальтер, мастер прозы об авиации времен Второй мировой войны. Мы поддерживаем друг друга вот уже более десяти лет. А это довольно долго, брат.

Особая благодарность Эдмунду Милну и Брэди Уэсту, моим первым настоящим альфа- и бета-ридерам. Без вас двоих эта книга не стала бы такой, какая она есть сейчас. А также Тициане Маркес, рассказавшей мне так много о лошадях, и Стивену Кутцу, который нашел намного больше описок и опечаток, чем, я полагал, было в рукописи.

Предисловие автора

Я любил читать с третьего класса. По мере взросления это были сперва «Братья Харди» и «Нэнси Дрю», затем греческая и скандинавская мифология, различные биографии и тонна книг о лошадях и животных.

В конечном итоге я перешел на научную фантастику. Меня особенно захватывали книги Артура Ч. Кларка, Роберта Хайнлайна, Мадлен Л'Энгл и Андре Нортон. Пожалуй, я один из немногих, кто помнит «Остров дельфинов» Артура Ч. Кларка, и хотя все знают Мадлен Л'Энгл по ее серии романов «Квинтет времени», я с большей любовью вспоминаю «Руку морской звезды».

Все эти и многие другие авторы были моими героями, и я мечтал встретиться с ними в реальной жизни.

Правда в том, что эти книги были моим способом отвлечься в детстве, и самыми первыми на моей горе Рашмор¹ самых важных романов высечены «Властелин колец»² и «Колесо времени»³. Загадка, волшебство, чудеса и красота этих двух произведений искусства, ощущение реальности и глубины истории, истинное великолепие и величие этих двух произведений... Именно за такими книгами я гнался всю свою жизнь.

Я редко нахожу их, и чем старше я становлюсь, тем реже нахожу.

Так что я решил написать нечто подобное сам. Самонадеянно, знаю, но учитывая, что это мой последний на данный момент роман, мне хотелось создать нечто вроде любовного послания «Властелину колец» и «Колесу времени». Что-то, что помогло бы выразить словами мои чувства и мысли о том, что значили для меня эти два столпа.

Не знаю, удалось ли мне это, но если хотя бы один человек считает, что удалось, для меня этого достаточно.

Дэвис Ашура.

¹ Гора Рашмор – гора в Южной Дакоте, США, известная тем, что на ней высечен барельеф с изображением четырех американских президентов: Дж. Вашингтона, Т. Джефферсона, Т. Рузвельта и А. Линкольна.

² «Властелин колец» – цикл романов-фэнтези Дж. Р.Р.Толкина.

³ «Колесо времени» – цикл романов Р. Джордана, написанных в стиле эпического фэнтези.

Глава 1

Время – не мерило тому, что есть, что было и что будет. Мерило тому – память. Без нее начинаешь верить в фикцию и отвергаешь истину.

По крайней мере, так говорят...

Снежная тигрица еще только должна была обрести имя. Теперь оно было ей необходимо. Теперь она его заслуживала. Она познала себя, нашла свое место в мире и провела последние пятьдесят лет в этих горах, охотясь и убивая добычу, которая оказывалась у нее в руках. Она уже прожила на много десятилетий дольше, чем кто-либо подобный ей, и тому была причина.

Причина эта находилась в самом центре ее пульсирующего сердца. Нечто непорочное, имени чему она не знала. Она сверкала внутри нее, словно ручеек в лучах солнца. Она была нужна снежной тигрице, чтобы сохранять жизнь, и нужна была в огромных количествах.

Инстинктивно тигрица поняла, что наилучшим источником того, что ей необходимо, были эти странные двуногие, которые рубили деревья и рычали всякий вздор. Несколько месяцев назад она подстерегла одного из них: еле стоящую на ногах развалину, едва живое существо. Мясо на вкус оказалось с гнильцой, но она была так голодна, что все равно его съела.

От тухлой плоти ее вырвало, и одно время она думала, что умрет. Но этого не произошло. Она выжила, и теперь новые существа, невиданные ранее, подступали к Кинжальным горам.

Снежная тигрица не знала, кто они такие. Она лишь изучала свою добычу, планируя нападение.

* * *

Синдер Шейд ни за что не смог бы припомнить тревожных знаков, предвещающих его скорую кончину. Да и с чего бы? Вечный ветер без конца и без края не гулял по пустыням, лесам и горам, заявляя об этом. Дурные предзнаменования не расчерчивали небеса молниями. Белобородые старцы не изрекали своих пророчеств.

Злой рок подкрался к Синдеру в самый обычный день. Это был типичный для нагорных равнин Ракеша летний полдень: сухой и солнечный, но все же прохладный. Заснеженные вершины горного хребта протянулись во все концы, вставая стеной из башен серо-белых пиков, чашей окружавших зеленую долину, в которой жила семья Синдера. В ней спряталась деревня Ласточка, и с того места где Синдер стоял, он мог видеть своих соседей и родню, возделывающих каменистые поля, окружавшие около шестидесяти домов, составлявших деревушку.

Это была суровая земля, взращивающая суровых людей и требующая внимания народа, бросающего вызов холодным ветрам, дующим с горных вершин даже в месяц вахастх – самый теплый летний месяц. Впрочем, Синдер не возражал против злосудных, выпавших на долю его народа. Ведь они были людьми: им приходилось тяжело повсюду, и они просто оказались в очередном месте, где можно было попробовать обжиться.

Честно говоря, он любил эту долину. Он любил спокойную, древнюю величавость устремленных вверх тополей и кедров, ночное небо, усыпанное сверкающими звездами, горящими, словно искры божественных костров. Но особенно он любил то, что здесь не было эльфов. Их род, высокомерный и эгоцентричный, простирался во всех направлениях: на юг, север, восток и запад... Но здесь их не было. В Ласточке их не было. Как полагал Синдер, их присутствие стало бы слишком суровым испытанием. Он не вынес бы жизни под каблуком этих ублюдков, поцелованных эфиром. Разумеется, он никогда не видел эльфов, но все говорили, что они высокомерные засранцы.

В безоблачном небе заклекотал ястреб, вырывая Синдера из собственных мыслей. Он уставился на хищную птицу, мечтая тоже научиться летать – подобные желания свойственны мальчикам, даже тем, кто уже вышел из отроческого возраста, но еще не дорос пару лет до того, чтобы именоваться мужчиной. Ястреб, воплощение красоты и грации, сделал вираж в потоке воздуха. Тот же самый ветер прошелестел в окружающем вечнозеленом лесу, подняв в воздух аромат кедра, сосны и тополя. Да еще комаров, этих тиранов с крылышками, мучающих людей в это время года. Синдер прихлопнул парочку, ковыляя от семейного колодца, склонившись под тяжестью ведра с водой.

Синдера можно было бы посчитать красивым, учитывая его правильные черты. Не слишком большой нос, не слишком широкая улыбка и не слишком округлые глаза миндалевидной формы. Иные, однако, окрестили бы парня простачком, наказывая его за неуклюжесть. Все из-за изуродованной стопы и чахлой ноги – правой. Из-за этого он ступал прихрамывая и плохо держал равновесие при ходьбе.

Но даже от такого нескладехи с искалеченной ногой, как он, ожидали усердной работы в теплые месяцы. Тепло преходяще. В конце концов, это же Кинжальные горы, где зимы суровые и длинные, а лето пролетает быстро, словно приятный сон, и все посвящают себя труду, чтобы выжить, когда наступят холода. Синдер не был освобожден от трудностей сурового образа жизни. Он работал, как мог, и прямо сейчас он нес полное ведро воды, чтобы полить зелень и овощи в огороде.

Его позвала мать, и он со стоном остановился, опуская свою тяжелую ношу на землю. В дополнение к искалеченной стопе и хилой ноге Синдер был еще и слаб. Невысок и тощ, как заборная доска.

Паренек стрельнул глазами в поисках матери и тут же ее нашел. Она стояла у курятника, всего в нескольких шагах от заднего крыльца их бревенчатой избушки, уперев руки в бока и терпеливо и великодушно улыбаясь.

Его мать, Инара Шейд, в молодости была красавицей, но суровая жизнь в горах наложила на нее свой отпечаток. Ей еще не было и сорока, но волосы уже поседели, кожа огрубела и покрылась морщинами, и почти каждый день она жаловалась на боли в спине. Но времени и сложностям не удалось лишить ее доброго расположения духа и стереть с ее лица любящую улыбку.

– Осталось всего два ведра, – подбодрила мать. – Твой отец сказал, что остальное доделает сам. Ты должен помочь Питчу.

Синдер в предвкушении улыбнулся. Питч. Он был таким, каким и должен быть старший брат. Заботливым, любящим, но самое главное, понимающим и веселым.

Синдер крикнул, что понял, и взглянул туда, где с мотыгой в руках склонился его отец, Оникс. Он был крупным мужчиной: высоким, широким в кости обладателем душевного смеха. Его волосы все еще сохраняли тот темный оттенок, какой был у большинства жителей Ракеша, но кожа была покрыта морщинами, словно яблоко, оставленное на солнце. Несмотря на внешность дряхлого старика, отец Синдера в работе превосходил большинство более молодых мужчин в Ласточке. Единственный, кто был сильнее него, – Питч, унаследовавший крепкое телосложение и выносливость отца.

В данный момент отец Синдера трудился в огороде, на грядках с зеленью и овощами. Зелень разнообразит вкус и аромат скудного зимнего меню, состоявшего преимущественно из вяленого мяса, картофеля и ячменя.

Этими мыслями и была занята голова Синдера в тот момент, когда время замерло и он увидел зловещее предзнаменование. Из лесу вышло его будущее: монстр, пробирающийся мимо кустов ежевики и липнущих сосновых иголок. У Синдера пересохло в горле.

Снежный тигр. Огромный. Больше медведя. Его серо-белый мех покрылся рябью, несмотря на то, что ветер внезапно затих, а белые глаза горели, словно два фонаря.

Проклятие эфира.

Все звуки замерли, мир словно затаил дыхание, пока зверь собирался с силами. Он бросился в сторону матери Синдера.

Горло сжалось от страха. Синдер даже не смог прокричать слова предостережения, но мать заметила его полный ужаса взгляд. Она стала оглядываться в поисках того, что привлекло внимание сына, и закричала в тот самый миг, когда его горло наконец отпустило, и он заорал.

Снежный тигр сделал бросок. У матери Синдера не было ни шанса. Она вытянула вперед руку, чтобы прикрыть лицо, но зверь врезался в нее на полной скорости и повалил на землю. Десятисантиметровые зубы вцепились ей в горло, глубоко вгрызаясь в него. Инара Шейд издала один-единственный душераздирающий вопль, прежде чем замолчать навечно.

Снежный тигр довольно заурчал, а от тела матери поднялось слабое свечение, бледное, как снег. Ее эфир. Беспольный для человека, но отчаянно желаемый другими существами, такими как эльфы и гномы, и еще больше – животными, на которых было наложено проклятие эфира. Он делал их умнее, сильнее и продлевал им жизнь, но ценой тому становилась непреодолимая жажда, ненасытная потребность в человеческой плоти.

Убийцы людей.

Тигр как будто вдохнул эфир. Его мех тут же засверкал, вставая дыбом, после чего снова разгладился.

Отец Синдера напал на монстра, выходя из огорода с мотыгой наготове.

– Беги, Синдер! – крикнул он. И ударил тигра мотыгой, целясь ему в голову.

Зверь увернулся, рыча и вставая на дыбы. Отец Синдера перестал атаковать, глядя на собственные кишки, пытающиеся прорваться наружу сквозь многочисленные раны. Еще один удар по его ногам, и он повалился наземь. И снова тигр убил, на этот раз пируя эфиром отца Синдера.

Синдер раскрыл рот от ужаса. *Секунды.* Понадобилось всего несколько секунд. Его родители были убиты за тот короткий промежуток времени, который необходим, чтобы сделать глубокий вдох.

Снежный тигр с сочащейся кровью пастью поднял взгляд, будто бы смотря Синдеру в глаза с жуткой улыбкой. Он сделал несколько медленных, грозных шагов по направлению к парню.

Синдер неуклюже споткнулся из-за своей искалеченной ноги и полетел на спину. Он отполз от тигра, который медленно наступал, явно уверенный, что тот не сможет сбежать. И это было так. Поблизости не было ни одного укрытия, где бы тигр не смог его достать.

Синдер осторожно огляделся вокруг и уперся взглядом в колодец. В голове возник отчаянный план. Он может забраться внутрь. Там тигр не сможет его достать.

Парень пополз быстрее, но почувствовал, что и монстр набирает скорость. Он оглянулся и увидел, что тигр несется на него, недовольно рыча. Синдер посмотрел вперед, его охватил ужас. Всего несколько метров. Он бросился в сторону открытого колодца, который представлял собой всего лишь широкую дыру в земле, и залез внутрь, пытаясь забраться как можно глубже. А потом закричал от боли, раздирающей плечо. И почувствовал, как что-то тянет его вверх.

Тигр подцепил рубаху когтем и тянул к своей окровавленной пасти. Синдер снова и снова колотил зверя по передней лапе. Зарывав, монстр выпустил его. А когда попытался схватить снова, Синдер почувствовал, что его волосы взъерошило легкое дуновение.

Зверь промахнулся, и Синдер полетел вниз, не в силах контролировать падение. Врезавшись в стену колодца, он ударился головой о твердый камень и на время потерял сознание. Затем снова пришел в себя, и последним, что он увидел, был тигр: высоко нависнув, он закрыл собой солнце, опустив голову внутрь и глядя на него сверху вниз.

Синдер захлебнулся водой и больше ничего не чувствовал.

Глава 2

– Синдер!

Голос раздавался издалека, и тот, кто слышал его, не был уверен, что знает кричавшего. И вообще, его ли зовут? Быть может, пытаются докричаться до кого-то другого?

Мальчик он или мужчина? Этого он тоже не знал. Он не помнил ни своего имени, ни своего прошлого. Было известно лишь одно: что-то заложило ему уши.

Вода. Он плавал в ней лицом вниз и, несмотря на то что мышцы болели, а конечности налились тяжестью из-за сонливости, смутно осознавал, что не может лежать так и дальше. Ему нужен воздух, иначе он умрет во второй раз, и теперь уже окончательно.

Мужчина – или он все же был мальчиком? – собрался с силами и перевернулся, оказываясь лицом вверх. Он облегченно вдохнул, снова дыша воздухом, и недоуменно сощурился, сосредотачивая взгляд на ярком узком кружке высоко над ним. Похоже, через него выглядело небо. По бокам тело омывала вода, и он понял, что лежит на дне колодца. Как он умудрился оказаться в таком месте?

Он моргнул, и в поле его затуманенного зрения оказалась незнакомая фигура. Это был молодой мужчина, подтянутый и сильный, а вокруг его талии была обвязана веревка. Его спустили вниз, и он удерживал положение, прижимаясь спиной и ногами к противоположным стенкам колодца.

Мужчина заговорил с ним.

– Синдер, протяни руку. Я вытащу тебя отсюда.

Он не знал, что это за человек, но сразу понял, что это друг. Сделал глубокий вдох и, прикладывая жуткие усилия, сумел удержаться на плаву. А потом коротко усмехнулся. По крайней мере, плавать он умеет.

– Молодец, Синдер, – подбодрил его мужчина с веревкой вокруг талии. – Уже ближе.

Меня зовут Синдер?

– Постарайся дотянуться до меня. Ниже веревка не опускается.

Синдер сделал еще один глубокий вдох, собираясь с остатками сил, после чего мощно оттолкнулся от воды, выпрыгивая вверх с вытянутыми руками. Миг спустя на него накатила волна облегчения столь же чистого, как и вода в колодце, когда он сумел схватиться за предплечья мужчины, который закричал от напряжения под весом тела Синдера.

– Обхвати меня ногами за талию и держись, – сказал мужчина.

Синдер сделал, как было сказано: обхватил мужчину ногами и оказался лицом к лицу со своим спасителем, удивившись тому, насколько тот молод. По виду ему было слегка за двадцать, а на лице висела жиденькая бороденка. Темные волосы были прилизаны, а миндалевидные глаза глядели прямо на него.

– Держись за мои плечи.

И Синдер снова сделал как велено.

Мужчина устремил взгляд ввысь и прокричал:

– Поднимай!

Веревка натянулась, а ноги его спасителя оторвались от стены колодца, в которую упирались. Толчками они стали подниматься вверх.

Синдеру с трудом удавалось держать голову прямо. Соблазнительная дремота отключала разум. Ноги ослабили хватку.

– Нет, Синдер! – прокричал мужчина. – Еще несколько секунд, и нас вытащат.

Синдер заставил себя проснуться, стряхивая вялость. После смерти отдохнет.

В этой мысли не было никакого смысла, и он решил не обдумывать, что же она может означать. Сперва нужно выжить. Только после этого у него появится время выяснить, что произошло. Как он оказался на дне колодца? Почему ничего не помнит?

Он решил, что эти вопросы могут еще немного подождать.

Отверстие в колодце становилось все больше и больше. Еще несколько метров, и вот они с мужчиной уже снаружи. Синдер зажмурился оттого, что в глаза ударил резкий свет. Его схватили другие руки, он услышал кряхтенье и проклятия. Его тянули за конечности, пока они с другим мужчиной не оказались возле невысоких стенок колодца, достаточно далеко от отверстия, чтобы не свалиться обратно.

Синдер отпустил своего спасителя и перекатился набок. Он открыл глаза, глядя в до боли голубое небо, пытаясь и пытаясь успокоить колотящееся сердце, благодарный за то, что выжил. Он снова закрыл глаза и помолился Девешу, благодаря за то, что сохранил ему жизнь. Также следовало поблагодарить и тех, кто спас его. Но не сейчас. Может, позже. Когда он наберется сил. Или после того как немного поспит.

Он не знал, долго ли так пролежал, но кто-то растолкал его, трясая за плечо. Синдер проснулся и открыл глаза.

Кто-то охнул.

– Упаси нас, эфир! – прошептал кто-то. – Посмотрите на его глаза.

– Белые как у заххака, – произнес кто-то еще дрожащим голосом. – Как у рэйфа.

Тут заговорил третий человек, мужчина, который его спас. В его голосе слышалась ярость и попытка защитить.

– Он мой брат. Я не потерплю, чтобы в его адрес звучали подобные ругательства.

Синдер взглянул в глаза своему спасителю, все еще не узнавая, но испытывая благодарность за то, что тот встал на его защиту. Он чувствовал, что это было ему необходимо.

– Подумай сам, Питч, – сказал первый. – Мы не можем оставить его в живых. Это противоречит пророчествам и законам. Да и все равно он калека.

Синдер взглянул на говорившего: крепко сбитого мужчину лет, наверное, сорока. У него была развитая мускулатура кузнеца или крестьянина, пахавшего землю собственными руками. Лопатоподобные челюсти были крепко сжаты от досады и страха, и у него были такие же темные волосы, жидкая бородка и миндалевидные глаза, как и у брата Синдера, которого, очевидно, звали Питч. Может, этот мужчина постарше – его другой брат? Но тогда зачем ему желать Синдеру смерти?

– Хватит, – сказал Питч. – Взгляни на него. Стал бы злой дух захватывать тело мальчишки с искаленной ногой? Стал бы он оставлять его на верную смерть в колодце, вдали от солнца? Взгляни на его зубы. Руки. Ты видишь клыки или когти? Он не рэйф, и на нем нет проклятия эфира.

– Но тогда что у него с глазами?

На этот раз голос подал второй мужчина. Он оказался моложе первого, но выглядел даже крупнее, и их схожие черты лица не оставляли сомнений в том, что они близкие родственники.

– Сейчас они не светятся, – парировал Питч.

Синдер достаточно наслушался. Он выпрямился, пытаясь встать на ноги, и чуть не свалился. Правая стопа оказалась завернута внутрь, а сама нога была хилой и слабой. Однако ему удалось встать ровно. Он не станет лежать. Синдер не знал, что на уме у этих людей, но если они решат применить силу, он не станет молча ждать как жук, упавший на спину. Он умрет, стоя на ногах, как мужчина.

Ему удалось подняться, но стоял он пошатываясь, и чуть снова не упал.

– Но... – настаивал второй мужчина.

– Нет! – Питч пресек все протесты мужчины одним-единственным словом и резким жестом. – Ничего не хочу об этом слышать. Не сегодня, когда наших родителей принесли в жертву, словно баранов.

Залетный ветерок принес с собой запах свежей крови, запах железа, на который Синдер прежде не обращал внимания. Сейчас же обратил. Он завертел головой в поисках его источника и обнаружил два трупа. Мужчины и женщины. Кто-то растерзал их.

Парень взглянул на них с легким сожалением, но кроме этого больше ничего не почувствовал. Хотя должен был бы, не так ли? Предполагалось, что они были его родителями, и все же он не знал этих людей. Не помнил. Впрочем, он хотел бы их вспомнить.

От недостатка знаний о самом себе – он даже не знал собственного имени, не знал его наверняка – у него в панике перехватило дыхание, он почувствовал себя уязвимым. Синдер раскрыл пустой, как и его мысли, рот. Человек без прошлого был потерян для окружающего мира, и парень поскреб по сусекам своего мозга в попытках найти ответ на вопрос, кто же он такой, отчаянно желая найти свое место в мире. Паника, на несколько мгновений ослепившая его, прошла, и все же он ничего не вспомнил.

Кто-то тронул его за плечо, разворачивая. Это был брат.

Питч заговорил тихим голосом, глядя на него полным сочувствия взглядом:

– Синдер, ты видел, что произошло? Я услышал крики и прибежал, как только смог. И Симиал и Лок тоже. – Он указал на двух других мужчин.

– Это была кошка с проклятием эфира, – сказал первый мужчина, Симиал. – Глянь на следы. Большой зверь. Нам придется выследить его.

– Не собираюсь я выслеживать никаких человекоубийцев с проклятием эфира, – заявил Лок. – Пусть с этим разбирается армия. Это их работа.

– У нас тут трусов нет, – сказал Симиал.

– Храбрость не то же самое, что слабоумие и отвага, – парировал Лок.

– Это действительно была кошка с проклятием эфира? – спросил Питч.

Синдер понял, что брат обращается к нему, и моргнул, стряхивая недоумение, вызванное разрозненными мыслями и потерей памяти.

– Я не знаю, – наконец сказал он. – Я не помню. Ничего не помню.

– Ты ее не видел? – спросил Питч.

Синдер покачал головой, готовясь сообщить о том, что потерял память.

– У него кровь идет, – сказал Симиал, указывая пальцем.

Там, куда указал мужчина, бороздами протянулись по всей длине предплечья Синдера три отметины, оставленные когтями. До этого он не обращал внимания на раны, но теперь, когда заметил их, тот факт, что он о них знает, будто бы заставил их разболеться сильнее. Они пульсировали болью.

– Господи помилуй, – прошептал Лок. – Коли они от проклятого эфира, раны уже отравлены. Калека в два дня сгорит.

Так вот как они меня тут зовут? Калека?

– Они не отравлены, – сказал Питч. – Ты видишь, чтобы из них сочилась черная кровь? Чувешь запах гниющего мяса? – Он покачал головой. – Это всего лишь обычные раны, говорю тебе.

– Может быть, – произнес Симиал с сомнением. – Но чой-то он говорит, что ничего не помнит? – Он указал на погибших мужчину и женщину. – Как может сын забыть нечто подобное?

Синдер обнаружил, что на него направлены три пары глаз. Он мысленно содрогнулся. Неразбериха в голове может подождать. Он затолкал ее в дальние уголки разума. Сперва нужно пережить следующие несколько минут. После этого он разберется, что происходит.

– Когда я говорю, что ничего не помню, я имею в виду, буквально. Я вообще ничего не помню. Даже имени своего не знал, пока не услышал его.

У всех отвисли челюсти, и все трое его спасителей издали нервные смешки.

– Ты всегда умел выдать шутку, – сказал Питч.

Синдер слабо улыбнулся:

– Хотел бы я, чтобы это была шутка. Может кто-нибудь мне объяснить, где я?

Все трое уставились на него: Симиал и Лок с подозрением, Питч – в недоумении.

Синдер расправил плечи. Двое крупных мужчин, похоже, были готовы к драке, но внутри него появилась какая-то твердость, нежелание сгибаться и ломаться. Он не будет вести себя как покорная овечка.

Питч встал между Синдером и двумя братьями.

– Ты не помнишь этого места? Не помнишь нашего дома? Не помнишь Ласточку?

Синдер покачал головой.

– Я ничего не помню.

Питч нахмурился еще сильнее.

– Это неважно. Что бы ни случилось, мы найдем способ это исправить. – Его лицо посветлело. – Пойдем. Я отведу тебя к себе домой и дам сухую одежду. – Он бросил взгляд на трупы родителей, и челюсти сжалась, а черты лица исказила скорбь. Питч сморгнул и вытер слезы с глаз. – Я вернусь сюда и позабочусь о маме и папе... – Его голос сорвался. Он не мог отвести взгляд от их растерзанных тел и лиц, на которых застыл ужас.

Хотел бы Синдер разделить его горе. Это были его родители. Но убитые мужчина и женщина могли с таким же успехом оказаться незнакомцами. Он испытывал лишь легкое сожаление от их кончины. На самом деле он испытывал более глубокие чувства к Питчу, который явно любил родителей, которого скорбь наполняла болью и который все же оставался сильным ради любимого младшего братца.

Синдер хотел ответить ему взаимностью. Питч был человеком, заслуживавшим уважения, и Синдер положил руку брату на плечо:

– Я могу помочь со всем, что нужно.

Питч коротко кивнул, соглашаясь, но сначала ничего не ответил.

– Спасибо, – наконец выдавил он. Глаза все еще блестели от непролитых слез, а голос был хриплым от сдерживаемых эмоций.

Симиал прочистил горло.

– Мы обо всем позаботимся. Лок и я. Это дело не для родни. Вы не должны видеть родных такими. Пошли. Надо идти. – Он тихонько подтолкнул Питча в спину, уводя его прочь.

– Мы вернемся и позаботимся о телах, – добавил Лок. – И приведем старика Дипака, чтобы он подготовил их к погребальной церемонии.

Питч, не сопротивляясь, позволил Симиалу увести себя с заднего двора. Синдер на миг остался один, а Симиал оглянулся на него.

– Тебе тоже лучше пойти с нами, как велел твой брат, – его голос звучал намного менее дружелюбно, чем голос Питча.

Синдеру больше некуда было пойти, поэтому он зашагал следом. Захромал вперед, только сейчас поняв, что у него искалеченная стопа и чахлая правая нога. Нахмурившись, парень оглядел свои руки и ноги. Он был маленьким, ниже идущих впереди мужчин, и более худым по сравнению с ними. Сколько ему лет? Он ребенок?

Он в этом сомневался.

Синдер провел пальцами по лицу. Несколько тонких волосков на подбородке подтвердили его открытие. Он не ребенок.

– Я все еще не возьму в толк, почему у него светились глаза, – прошепел Лок, должно быть, думая, что говорит шепотом.

Синдер слышал его так же отчетливо, как если бы это был колокольчик, звенящий на другом конце поля.

Питч резко остановился.

– Вам двоим лучше молчать по поводу того, что Синдер якобы проклят эфиром, – произнес он рычащим голосом.

Синдер до сих пор не знал, что значит быть проклятым эфиром, но сейчас было не время для вопросов.

Симиал поднял руки в примирительном жесте.

– Мы будем молчать. Шоканом клянусь. – Он подтолкнул брата локтем. – Верно?

– Верно, – согласился Лок, коротко кивнув.

Синдер поймал на себе его подозрительный взгляд. Пару секунд спустя Лок снова заговорил:

– Как так вышло, что он ничего не помнит?

Синдер вздохнул, уже начиная уставать от их домыслов. Симиал фыркнул.

– Ничего особенного. Помнишь, как бык отшвырнул Роска Дука в стену амбара? Когда он очнулся, то себя не помнил. Может, тут произошло то же самое.

Лок почесал свою жиденькую бороденку, склонив голову в раздумьях.

– Не-а. Роск все прекрасно помнил, только нес всякую околесицу. Все твердил, что видел Шокана и Сиру. Рассказывал всякие легенды, мифы и прочее дерьмо. Парень был абсолютно не в себе.

Синдер задумался. Может, он и впрямь ударился головой.? Он ощупал свой череп и быстро нашел чувствительное место у правого уха.

Питч снова остановился, поворачиваясь к Синдеру.

– Так вот что произошло, Синдер? Ты ударился головой?

Синдер потер болезненное место возле уха.

– Мне больно там, где я тру.

– Да еще он болтался головой вниз в колодце, когда мы его нашли, – сказал Лок. – Должно быть, отключился.

Питч медленно кивнул, соглашаясь, и на его лице отразилась надежда.

– Значит, в этом все дело. Ты ударился котелком и потерял память. Воспоминания вернутся.

Синдер надеялся на это, но крошечное сомнение твердило о том, что не все так просто. В душе вновь поднялась тревога. Чем он будет здесь заниматься? Для этих людей он чужак. По крайней мере, они для него чужаки. Тревога грозила заполнить все его мысли, но он задвинул ее подальше, в самые дальние уголки своего мозга, туда, где она не сможет его отвлечь. Тревога и переживания могут подождать. Сперва нужно понять, какое место он занимает в этом мире.

Он плелся за остальными, и наконец они вышли с заднего двора, дав Синдеру шанс увидеть деревню, в которой он жил. Не пройдя и двух шагов, он резко остановился, затаив дыхание от красоты открывшегося пейзажа. Деревня Ласточка гнездилась в высокой долине в окружении вздымающихся ввысь гор, покрытых белыми шапками снега. Острые пики тянулись к небу, их выпирающие шишковатые плечи излучали то ощущение постоянства, которое свойственно лишь горам. Их обдувал прохладный ветерок, спускающийся вниз, в деревню, и струящийся между клубами дыма, поднимающегося из многочисленных труб. Прохладный ветер и горящие очаги напомнили Синдеру об осени, но зеленая трава и сильные, доходящие до бедра посевы, растущие в прямых бороздах окружающих полей, сообщили ему, что еще лето.

Синдер задержался, чтобы осмотреть деревню. Перед ним раскинулось ровно шестьдесят домов, сгруппированных по два-три домика – вот и вся деревушка. Все они представляли собой срубы из грубо отесанных бревен, почерневших от копоти и с соломенными крышами. Окошки, покрытые восковой пленкой, смотрели вокруг немигающими взглядами. Дети,

поджарые и сильные, играли на покрытых травой холмах и среди вечнозеленых растений, отделявших домики друг от друга.

Питч повел Синдера по лежащей неподалеку тропинке, узкой и усыпанной гравием с редко торчащими из него полосками травы, к единственной поблизости избушке, в которой Синдер, очевидно, и жил.

Небольшое крыльцо выступало в сторону деревни, грунтовые улочки которой повторяли изгибы небольших холмов и ухабов, петляя между домами. Питч открыл дверь.

– Входи. – Он жестом пригласил Синдера внутрь. – Шеза ушла в гости к сестре. Давай отмоём тебя.

Синдер прошел мимо брата в одну-единственную комнату, из которой и состояла избушка. В закопченные окна проникало мало света, и было темно, несмотря на то, что на улице ярко светило солнце.

Как только глаза привыкли к полумраку, из него отчетливо проступили детали. Прямо напротив очага, выделанного в углу, стояла пара громоздких кресел-качалок. Рядом с ними, справа, была приставлена лестница, ведущая к полатам, где располагалась кровать, а к соседней стене прижалась смотрящая на комод деревянная лавка.

Еще больше деталей. По другую сторону кресел-качалок имелась небольшая кухонька, в которой стоял стол и стулья, столь же грубо отесанные, как и дом, который они украшали. Несколько тарелок с облупленными краями лежали на прибитых к стене деревянных полках. В задней части дома виднелась еще одна дверь, ведущая на задний двор.

Синдер прервал осмотр, когда понял, что Симиал и Лок остались на крыльце. Оба переминались с ноги на ногу, а Лок еще и чесал в затылке.

– Мы пойдем, займемся вашими родителями, – сказал Симиал.

– Я ценю это, – произнес Питч, ступая на крыльцо и пожимая руку каждому.

После того как они удалились, он вошел внутрь и закрыл дверь. Невидящим взглядом уставился вглубь дома, а секунду спустя, похоже, сорвался, и его тело сотрясли жестокие рыдания. Он плотно сжал веки и челюсти.

Синдер не знал, что сделать или сказать.

– Мне жаль, – произнес он срывающимся голосом, неуверенный в том, стоило ли вообще что-то говорить.

Питч содрогнулся, вытер глаза и взял себя в руки.

– Это не твоя вина. – Он прошел вглубь дома, к комоду, вынул оттуда пару штанов и рубашку и кинул их Синдеру.

Тот поймал их и тщательно рассмотрел.

– Переоденься, – сказал Питч. – А потом отдохни. У меня есть несколько одеял – можешь спать на них. – Он вздохнул. – Нам предстоит долгая ночь. Вечером будут хоронить наших родителей, а потом...

Синдер удивился виноватому выражению, вспыхнувшему на лице Питча, когда тот бросил взгляд в его сторону. И все же щедрый жест и слова брата требовали ответа.

– Спасибо, Питч. Мне правда жаль, что все так получилось.

Питч, казалось, хотел сказать что-то еще, но лишь покачал головой.

– Отдохни.

Он покинул избу, и дверная рама затряслась, когда брат захлопнул за собой дверь.

Синдер не отрывал взгляда от нее. Без теплого присутствия Питча в доме стало темнее, но мысли были заняты не светом и тенью. Вместо этого на поверхность снова вышли тревоги, которые он раньше отодвинул на задний план.

Его захватили те же проблемы и вопросы, что и прежде. Питч, и даже Симиал и Лок были хорошими людьми. Судя по тому, как крепко и мощно они были сбиты, они явно были

крестьянами. Что же можно сказать о Синдере? Кем он был? Был ли он крестьянином? Что с ним приключилось?

Вопросы вихрем кружились в голове.

Он заставил себя сделать глубокий вдох и расслабиться. В мозгу возникла вспышка озарения, и он замер, представляя, что раздувает ее, словно уголек, чтобы разжечь костер и согреться холодным вечером.

Секунду спустя его постигло разочарование. Озарение исчезло, потонув в тлетворных испарениях сомнений. Синдер попытался снова ухватиться за него, но оно уже было потеряно, и он застонал от огорчения.

До сих пор он стоял на ногах твердо, отбрасывая досаду от того, что не знал, кто он такой. Да и вообще ничего об окружающем мире. Теперь же весь этот груз беспокойства обрушился на него, и Синдер почувствовал желание присесть на деревянную лавку.

Ласточка была бедной деревушкой. Не требовались воспоминания, чтобы понять эту очевидную истину. Как устроить здесь свою жизнь?

Синдер осмотрел свое тело. Он был молод, еще не мужчина, но уже не ребенок. Помимо чахлой ноги и искаленной стопы он был еще слаб и тощ, мог одной ладонью обхватить верхнюю часть своей руки. Он не сможет трудиться весь день. Должно быть, родители делали все возможное, чтобы у него было все необходимое для выживания. Теперь, когда их не стало, возьмет ли Питч его к себе? Может ли брат позволить себе это?

Синдер окинул избу критическим взглядом. Не особо богато, а значит, Питч вряд ли сможет обеспечивать брата, который не в состоянии добывать пропитание самостоятельно.

И что теперь? Его выгонят? Это возможно.

Странно, но Синдеру даже не пришло в голову испугаться.

* * *

Все еще находясь в растрепанных чувствах, Синдер нашел одеяло и постельные принадлежности. Ему удалось урвать пару часов сна, прежде чем Питч растолкал его ботинком и резко произнес:

– Пора.

Синдер выбрался из-под одеяла, обратив внимание на то, что Питч разглядывает его с вопросительным выражением лица. Он догадывался, о чем думает брат. Питч хотел знать, не вернулась ли к нему память., и Синдер ответил на невысказанный вопрос:

– Я все еще ничего не помню.

Лицо Питча прорезали морщинки разочарования.

– Тогда пойдем, – сказал он, ведя Синдера наружу.

Сумерки. Он проспал дольше, чем полагал.

Синдер как дурачок плелся за Питчем, просто идя туда, куда ему скажут. У него не было иного выхода, и он ничего не мог с этим поделать. Из-за всей этой ситуации его переполняла досада, но, как и в случае с тревогой, он отодвинул ее на задний план. Сейчас не время. Нужно трезво мыслить, чтобы понять, как действовать дальше. От этого зависело его будущее. Или, по крайней мере, так ему казалось. Эмоции могут подождать до лучших времен.

Они с Питчем шли в центр деревни. Синдер хромал, поэтому ему трудно было поспевать за братом, и молча проклинал свои недуги.

Они подошли к небольшой округлой площади, где у подножья травянистого холма сходились несколько дорог. Там обнаружили Симиал и Лок, стоявшие рядом с узкоплечим изможденным стариком с обветренной темной кожей. В руках у него был посох выше его небольшого

роста, на голове не было ни волосинки, и стоял он с голой грудью, в одних лонджи⁴, которые когда-то были белыми, а теперь потемнели.

Также там была молодая женщина с длинным лицом и пухлыми губами, при взгляде на которые создавалось ощущение, что она часто улыбается. Но не сейчас. Сейчас она хмурилась и беспокойно сжимала руки. Синдер понял, что это жена Питча.

На похоронных дрогах, собранных из хвороста и стопок колотых дров, возлежали два тела, полностью закутанные в белое. Родители Синдера. Ни одна часть их тела не была видна.

Пришло время похорон. Питч сделал жест молодой женщине, и она выступила вперед.

– Это моя жена, Шеза, – сказал он. Затем он указал на старика: – Наш священник, Дипак Морал. Мы по возможности проводим похороны в день смерти. Это считается благоприятным.

Дипак сильнее оперся о посох и склонил голову набок.

– Он правда о нас не знает?

Питч ответил:

– Он ничего не знает. По крайней мере, так было, когда он пошел спать.

Синдер поймал на себе полный смутной надежды взгляд Питча.

– Я не знаю. Правда, – подтвердил он. – Единственное, что я помню, – это как очнулся в колодце и Питч меня вытащил.

Шеза вышла вперед, ее лицо озарила теплая улыбка.

– Значит, нам придется заново научить тебя тому, что ты забыл, – ее голос оказался на удивление низким.

Дипак прочистил горло, и улыбка сползла с лица Шезы.

Сошнувшись, Синдер глянул на священника. Все вокруг что-то знали, приняли какое-то тайное решение, и исходило оно, судя по всему, от священника. Синдер задумался о том, что это могло бы быть. У него были подозрения, но...

Он прервал раздумья, когда собрались жители деревни: едва ли двести человек мужчин, женщин и детей. Питч представил каждого, объясняя обитателям Ласточки, что Синдер потерял память.

Синдер запомнил несколько имен жителей, которых ему представили, но их лица слились в расплывчатое пятно, когда они выражали соболезнования, сочувственно качая головами. Дети с грустными глазами говорили мало, тоже бормоча что-то сочувственное.

Негромкий стук привлек внимание Синдера к похоронным дрогам, у которых стоял Дипак, постукивая посохом по земле.

– Пора, – объявил он. – Сумерки. Самое благоприятное время, чтобы отправить возлюбленных наших в вечные объятия Девеша. Пусть Шокан и Сира станут проводниками на пути их.

Произнеся это, священник открыл книгу и начал бормотать слова, смутно знакомые Синдеру, но он не знал, на каком языке тот говорил.

– Шевасра, – прошептал Питч, стоявший слева от Синдера. Он держал зажженный факел – единственное светлое пятно на фоне стремительно угасающего дня. – Это святой язык, язык Шокана и Сиры, на нем говорили в их родных землях. Говорят, он возносит тело на небеса.

Шокан. Сира. Шевасра. Важные для жителей Ласточки слова, а Синдер понятия не имел, что они означают. Придется узнать гораздо больше, чем он изначально полагал.

– Дипак молится?

Питч кивнул.

– И он читает молитвы из своей книги?

⁴ Лонджи – предмет одежды, представляющий собой отрез ткани около 2 м длину и 80 см в ширину, завязывающийся на манер юбки.

Шеза, стоявшая справа от Синдера, фыркнула:

– Из «Страданий воина»? Нет. Священники заучили наизусть важные отрывки, но прочесть их могли только Шокан и Сира. Они написали ее. Книга написана на шевасра.

В Синдере проснулось любопытство, и он обнаружил, что его волнуют и другие вещи, помимо будущего и потерянной памяти.

Дипак закончил спустя несколько минут, тьма как раз одеялом накрыла деревню. Священник кивнул Питчу. Тот вышел вперед с зажженным факелом, приблизился к дорогам, на которых лежали их родители, и поджег хворост.

Синдер хотел помочь, но Шеза схватила его за руку.

– Только старший сын может поджигать погребальный костер. Стой и смотри.

Питч обогнул погребальный костер, поджигая хворост факелом, пока почти весь он не вспыхнул. Огонь почти сразу охватил дроги, и Шеза вручила Синдери незажженный факел. В другой руке она держала еще один, и Синдер заметил, что такие были у каждого жителя деревни, включая детей.

– Зажги свою вежу, – сказала Шеза, указывая на дроги.

Синдер подошел туда, куда она показала. К этому времени пламя уже горело ярко, взмывая вверх и освещая лица всех жителей деревни. Жар явственно ощущался с тридцати метров или даже больше и простирался далее, то накатывая, то отступая, словно волны огненного океана.

Синдер остановился, когда Питч встал между ним и костром. Брат протянул свою вежу, как выразилась Шеза, и Синдер тут же понял, что от него требовалось. Он зажег свой факел от факела Питча. Затем это сделала Шеза, а за ней – Симиал и Лок.

Остальные жители деревни последовали их примеру и зажгли свои факелы от факела Питча. Вскоре погребальный костер, который к этому времени успел разгореться еще жарче, окружало море охваченных пламенем факелов. При виде этой картины глаза Синдера расширились от изумления.

Это восхитительно.

Питч поднял свой факел высоко в небо и прокричал:

– Оникс Шейд. Инара Шейд! Никем не забыты! Вечно превозносимы!

Жители деревни повторили эти слова, тоже поднимая свои факелы, и, на взгляд Синдера, их голоса звучали ликующе. После чего обитатели Ласточки разошлись по домам, освещая себе путь пламенеющими факелами, которые держали в руках. Синдер наблюдал за тем, как жители деревни идут проторенными извилистыми тропами, и судил о том, далеко ли они ушли, по подпрыгивающим факелам. Несколько человек, однако, осталось, чтобы следить за костром.

Фантазиям пришел конец, когда Питч взял его за локоть и сказал:

– Пойдем. Нам есть что обсудить.

Судя по голосу и выражению лица брата, разговор Синдери не понравится. И он догадывался, в чем причина. Пусть он и потерял память, рассудок никуда не делся. Нужно было определиться с будущим Синдера, поэтому Дипак шел сразу следом за ним. Судя по тому, как угрюмо поджал губы священник и нервно сцепила ладони Шеза, Синдер не будет в восторге от новостей.

Они шли к дому Питча в тишине, и мысли Синдера стали для него настоящей пыткой: досада и путаница в голове мучали его. Однако в конечном итоге он утвердился во мнении, что не останется в Ласточке. Местные жители не смогут его прокормить. Странно, но мысль о том, что ему придется покинуть это место, судя по всему, единственный дом, не расстроила Синдера. В этом смысле отсутствие воспоминаний пошло только на пользу.

Симиал и Лок тоже плелись следом за ними.

Когда они добрались до избушки Питча, фонари уже были зажжены, а в очаге горело веселое красноватое пламя. Следуя примеру брата, Синдер затушил свой факел, окунув его в стоящую снаружи бочку с землей, прежде чем войти в дом.

Все собрались в избе Питча и усадились на стулья, передвинув их в переднюю часть дома. Синдер не удивился, обнаружив, что все молча и недовольно сосредоточили свое внимание на нем, и первым нарушил молчание:

– Я не могу остаться.

– Как ты понял? – удивился Питч.

Синдер несколько саркастично усмехнулся.

– Я не помню событий своей жизни, но я не слепой. И не тупой. Ласточка – бедная деревня. Здесь нет лишней еды для тех, кто не может себя прокормить.

Он был калекой и только сейчас начал постигать смысл ситуации. Это может ограничить его возможности в будущем. Здесь это определенно было так, и ему не хватало знаний – о своем прошлом и настоящем – чтобы надеяться на лучшее.

Питч казался пристыженным.

– Я бы взял тебя к себе, но... – Он осекся.

– У меня будет ребенок, – сказала Шеза. – Даже с этой обузой мы едва способны справиться. Мы не сумеем прокормить еще один рот. Не сейчас.

– Проблема в твоей чахлой ноге, – добавил Дипак к тому, что она сказала. – Твои родители работали вдвоем и могли позволить себе позаботиться о тебе. Теперь, когда они погибли, никто не сможет сделать для тебя то, что делали они. Я поговорил с другими жителями деревни.

Судя по их напряженным лицам, они, должно быть, ждали, что Синдер начнет орать и ругаться, спорить с их решением, но он этого не сделал.

Он всего лишь понимающе кивнул, скорее задумчиво, нежели недовольно, и спросил:

– Что тогда со мной будет?

Облегчение, которое все испытали, стало осязаемым, когда они обменялись обнадеживающими взглядами.

На вопрос Синдера ответил Дипак.

– Я отведу тебя в Быстромечие. Там есть сиротский приют. Тебе шестнадцать, и ты слишком взрослый для большинства подобных заведений, но я знаком с директором. Он примет тебя.

Синдеру захотелось улыбнуться. По крайней мере, теперь он знал свой возраст. Тем не менее постичь все это было сложно, и у него еще осталось множество вопросов.

– Что такое Быстромечие?

– Наша столица, – сказал Питч. – Она находится в трех неделях пути летом, а зимой дорога к ней непроходима.

– А поближе нет приютов?

– Есть, – ответил Дипак, – но у них не такая хорошая репутация, как у того, что в Быстромечии.

– Кто оплатит мое проживание? – спросил Синдер. – Уверен, это не бесплатный приют.

И снова ответил Питч:

– Ты заплатишь, трудясь на благо города.

– А дорога туда безопасна? – Синдер вспомнил, какой ужас вызвала у Питча, Симиала и Лока мысль о том, что поблизости бродит проклятая эфиром кошка.

Дипак подался вперед на стуле.

– Когда-то я служил в высшей армии Ракеша. Пусть тебя не смущает мой тощий вид, я крепче, чем многие, с кем ты когда-либо встретишься. Мы доберемся в целости и сохранности.

После этого Симиал и Лок поднялись на ноги, и Синдер понял, что они присутствовали лишь на тот случай, если он взбрыкнет.

– Уже поздно, – сказал Симиал. – Мне завтра рано вставать.

– Нам всем рано вставать, – сказал Лок. – Как и всегда.

Симиал ухмыльнулся и шлепнул его по плечу.

– Будь благодарен. Такова славная доля крестьянина.

Дипак тоже поднялся.

– Выспись, – сказал он Синдеру. – Мы выступаем с первыми лучами солнца.

Все ушли, и между Синдером, Питчем и Шезой повисло молчание. Он не был расстроен тем, что покидает Ласточку, но они были. Он понял, что они испытывали недовольство и замешательство. Забавно. Это ему суждено было покинуть Ласточку, но утешать нужно было их. Его брата и вадину.

Синдер нахмурился, когда ему в голову пришло это слово. Он не знал, каким образом, но оно просто возникло у него в голове. Он отбросил эти случайные мысли.

Питч и Шеза все еще не отрывали от него виновато-грустных взглядов.

– Я вас не виню, – сказал Синдер, – и не ненавижу. Вам нужно заботиться о себе и оставаться сильными ради малыша.

Глаза Питча снова заблестели, и он сжал плечо Синдера.

– Ты хороший брат. – Он покачал головой. – Хотел бы я, чтобы все сложилось иначе.

Шеза снова начала сжимать ладони, и в ее глазах блеснули слезы.

– Нам очень жаль, что так вышло.

Синдер улыбкой заставил их замолчать.

– Быть мудрым – значит принимать и то, что можно сделать, и то, чего нельзя. Это знание приносит понимание, если не покой.

Питч нахмурился.

– Где ты это услышал?

Синдер пожал плечами.

– Я это выдумал. – По крайней мере, он так считал, хоть и не знал наверняка. После этого он снова почувствовал сонливость и зевнул. – Думаю, я последую совету Дипака. Пойду спать.

Он забрался в постель, пока Питч и Шеза тушили фонари, и слышал, как они перешептывались, все еще печально, забираясь по лестнице в свою постель.

Синдер тем временем провалился в беспокойный сон, оставивший непонятное чувство тоски, когда он проснулся следующим утром.

Питч был уже на ногах, как и Шеза. На завтрак они приготовили кукурузную кашу и яйца.

– Я собрал твою одежду и положил ее в узелок, – сказал Питч, протягивая ему вещмешок. – Там есть хлеб, вяленое мясо и немного овощей. Еще я нашел деньги, которые матери с отцом удалось отложить. Они твои. – Он протянул россыпь монет, в основном медяков, но было среди них и несколько серебряных.

Синдер отказался их принять. Питч и Шеза ждали ребенка. Им эти деньги нужны больше, чем ему.

– Оставьте себе.

– Я не отпущу своего единственного брата ни с чем, – попытался поспорить Питч.

– Вам нужны деньги для ребенка, оставьте себе.

Синдер отодвинул руку, в которой брат держал монеты. Питч спас ему жизнь, взял его к себе и демонстрировал лишь любовь и поддержку, несмотря на горе утраты родителей. А что Синдер? Он даже не помнил ни брата, ни родителей, ни Ласточку, ни свою жизнь здесь. Разве мог он взять эти деньги?

Питч нехотя согласился, а вскоре пришел Дипак. В его руках все еще был посох, но вместо лонджи он надел пару крепких темных штанов и плотную рубашку.

– Готов? – спросил лысый священник.

Синдер кивнул, и в противовес угрюмому выражению на лицах его аннайи (как он понял, это странное слово означало «старший брат») и вадины (это значило «невестка») внутри него забурился восторг.

Когда они с Дипаком двинулись в путь, несколько жителей деревни проводили их взглядами. Синдер услышал, как некоторые из них бормотали слово, которое вчера произнес Симиал – «заххак». Звучало оно как ругательство, и он спросил у Дипака, что оно означает.

– Оно означает, что мы должны уйти. Они считают, что ты служишь Шету. Это можно доказать, если ты не умрешь при утоплении.

– То есть если они считают кого-то заххаком, то пытаются его утопить?

– Да.

– И что будет, если выжить после утопления? – спросил Синдер из искреннего любопытства.

– Тебя убьют. Забьют камнями.

– То есть ты все равно умрешь: либо от утопления, либо от камней?

Дипак широко улыбнулся.

– Дурацкий способ проверки, да?

Синдер согласно кивнул, но не разделил радости Дипака. Он не боялся, что жители деревни его убьют. Вместо этого он сосредоточился на объяснении священника, которое разожгло в нем неожиданную реакцию.

Шет.

Синдер не знал, кто это, но почему-то от звуков этого имени в нем вскипела злость. Его переполнила ярость. Рассвирепев, он резко остановился и сверкнул глазами, не осознавая, что направляет ярость на жителей деревни, произнесших слово «заххак». Потом вытянул губы и зарычал.

С полдюжины жителей искоса глянули на него в ответ. К ним присоединилось еще несколько, но Синдер все еще этого не замечал.

– Идиот! – Дипак схватил Синдера под локоть и потащил его вперед. – Может, ты и смел, но нельзя сражаться с целым миром.

Синдер снова вернулся в момент здесь и сейчас. Гнев не проходил, и он замотал головой, стряхивая остатки этого чувства.

Шет.

Что в этом имени такого, что он так рассвирепел? Он этого не знал. Он ничего не знал.

Черт побери! Синдер застонал от досады. Он узнает о Шете все. Узнает все, чего не знал. Он должен это сделать. Иначе как жить дальше?

Дипак снова потянул его за локоть. Синдер отвернулся от жителей деревни и последовал за ним прочь от Ласточки.

Глава 3

После отбытия из Ласточки они провели в дороге целый долгий день, отчего чахлая нога Синдера разболелась. Однако он не стал просить идти помедленнее. Напротив, сжав зубы, старался поспевать за быстрым шагом Дипака, который, похоже, даже не собирался замедляться. Старик быстро шел по каменистой тропинке, ведущей прочь от Ласточки, шаги его были ровными как барабанная дробь, ноги и посох, стучащий о камни, создавали синкопичный ритм. Он оглянулся всего раз, чтобы проверить, как Синдер справляется.

– Как ты, держишься? – спросил он.

– Все нормально, – ответил Синдер.

– Хорошо. Придется идти быстро, как будто Шет дышит нам в затылок. Иногда осенние дожди, а порой и снег, начинаются раньше времени. Я планирую отвести тебя в Быстромечие как можно скорее и отправиться домой, пока дороги еще проходимы.

Произнеся это, Дипак снова отвернулся.

Они все шли и шли, и Синдер не просил передохнуть, если Дипак не предлагал первым. У него тоже была гордость, и он не желал, чтобы священник его жалел. Пусть Синдер и не помнил ни своей семьи, ни прошлой жизни, одно он о себе знал точно: он не слабак. Он больше, чем просто это чахлое тело, и будет бороться с сонливостью, выдержит любую боль и продолжит идти, пока это испытание не закончится.

Именно с этой уверенностью Синдер продолжал шагать своей прихрамывающей походкой. Единственной поблажкой, которую он себе позволил, чтобы облегчить путь, стал грубый посох, который он изготовил из длинной ветки, найденной на земле, когда они сделали привал на обед.

Дневное солнце ярко светило сверху, согревая землю, несмотря на холодный горный ветер, когда поднимались по крутому каменистому склону. Ветер трепал длинные волосы Синдера, отчего они падали ему на глаза, и он мысленно сделал заметку постричься. Также он учуял запах костра, смешанного с ароматом жареного мяса. Желудок заурчал, а рот наполнился слюной. Поесть и отдохнуть было бы неплохо.

– Вы чувствуете этот запах? – спросил он Дипака.

Старик ответил не сразу.

– Какой запах?

Синдер объяснил.

– Вот это нюх, – проворчал Дипак. – Мы приближаемся к Мотыльку – это ближайшее к Ласточке поселение. Оно чуть крупнее нашей скромной деревушки. Сам увидишь.

Закончив объяснение, он продолжил путь.

Пятнадцать минут спустя они наткнулись на ряд полей, в конце которых начинался деревянный частокол. Беспорядочные ворота открывались наружу и выходили на дорогу, по которой шли Синдер и Дипак. Они ступили через них, и взору Синдера предстала деревня в два раза больше Ласточки. Несмотря на размер, он обнаружил между двумя деревнями больше сходств, чем различий.

За частоколом Синдер уже видел поля, простирающиеся во все концы, а внутри него оказались огороды и грубо обтесанные срубы. Все это было бы к месту и в Ласточке. И люди здесь были такими же. Коренастыми, с темными волосами и кожей и миндалевидными глазами.

Некоторые приветствовали Дипака, и старик, не замедляя шага, отвечал тем же и объяснял, куда они с Синдером держат путь. Вскоре они оставили Мотылек и его фермы позади и ступили под сень кедровой рощи. Синдер резко остановился, когда из-под валежника выскочили два маленьких лисенка, догоняя еще одного своего братца. Все трое смешно затормозили, удивленно чирикавая, когда заметили Синдера. Мгновение спустя они бросились прочь.

Дипак улыбнулся.

– Это благоприятный знак. Три лисицы – гармоничное число. Значит, мы доберемся до Быстромечия без проблем.

Синдер кивнул, несколько ободренный словами священника. Благоприятные знаки – это хорошо. Ему еще только предстояло восстановить хоть один факт о том, как он жил до вчерашнего дня, и это вызывало тревогу. Без знаний о себе он был в полной власти незнакомых людей. Ему могли сказать все что заблагорассудится, и он бы так и не узнал, правда ли это, пока не стало бы слишком поздно. Не хотелось всю жизнь находиться в таком беспомощном положении.

Но разве у него был выбор?

Во всяком случае, пока память не восстановится, придется довериться Дипаку.

Они шагали вперед, а Синдера грызла пустота внутри: черная стена возвышалась между ним и его прошлым. Он скребся в нее в надежде проделать брешь и обнаружить по ту сторону лучик знания.

– Тебе придется поспевать за мной! – прикрикнул Дипак, останавливаясь и опираясь на свой посох.

Синдер неуклюже прибавил темп и начал сокращать дистанцию. Он так потерялся в своих мыслях, что отстал от священника.

– Смотри, куда идешь, – предостерег Дипак. – Будешь витать в облаках, можешь свалиться с горы.

Синдер прислушался к совету и постарался держаться как можно ближе к Дипаку, едва не наступая тому на пятки. Он загнал переживания поглубже, насколько это было возможно, и обратил все внимание на дорогу, по которой они шли.

Тропинка была извилистой, она поднималась на холмы и огибала впадины. И проходила близко к обрыву скалы, где неосторожного путника ждало падение на триста метров вниз. Оттуда тропинка выходила на испещренные солнечными зайчиками поля, где щебетали певчие птицы и цвели прекрасные цветы: живые и ароматные, они словно кивали и махали им, вздымаемые порывами ветра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.